

МЕДИАПОЛИТИКА

MEDIA POLICY

DOI: 10.22363/2312-9220-2024-29-1-152-163

EDN: IWUOXY

УДК 070.13

Научная статья / Research article

Особенности правового регулирования СМИ в Монголии

Н. Бямбажав¹, Б. Болдбаатар¹, Н. Скворцова²

¹Национальный университет Монголии, Улан-Батор, Монголия

²Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 naranbaatar.b@num.edu.mn

Аннотация. Информация и средства ее распространения обретают все большее значение в современном мире. Поскольку конечный информационный продукт способен влиять на общественно-политические процессы, политические силы, склонные к авторитаризму, стремятся к монополизации медиапространства, используя для этого нормативно-правовую базу и экономические ресурсы. На международном уровне, по большей части в западноевропейской части, законодательный подход к СМИ отвечает демократическим стандартам общества и его политико-экономическим интересам. Нормативно-правовая база синхронизирована с цифровизацией, технологическим развитием медиа и публичными коммуникациями, в отличие от стран с нестабильной экономикой и перенимающих извне как технологии, так и нормативные новации. Изучение законодательной базы, лежащей в основе формирования медиапространства и коммуникационной системы Монголии, демонстрирует ряд ошибок и отступлений в развитии свободы прессы и национальной журналистики. В исследовании актуализируются вопросы независимой профессиональной журналистской деятельности и необходимости информирования общественности, открытости государственных институтов и прозрачности их работы. Приводятся примеры нарушения прав журналистов и давления на коммерческие средства массовой информации, что сказывается на качестве медиапространства, экономических интересах владельцев СМИ и правах граждан.

Ключевые слова: свобода прессы, журналистика Монголии, свобода слова, права журналистов, судебная практика

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 24 сентября 2023 г.; отрецензирована 3 ноября 2023 г.; принята к публикации 22 декабря 2023 г.

Для цитирования: Бямбажав Н., Болдбаатар Б., Скворцова Н. Особенности правового регулирования СМИ в Монголии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2024. Т. 29. № 1. С. 152–163. <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-152-163>

© Бямбажав Н., Болдбаатар Б., Скворцова Н., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Features of media legal regulation in Mongolia

Naranbaatar Byambajav¹, Bayarmaa Boldbaatar¹, Nino Skvortsova²

¹*National University of Mongolia, Mongolia, Ulaanbaatar*

²*RUDN University, Moscow, Russian Federation*

✉ naranbaatar.b@num.edu.mn

Abstract. Information and the means of its dissemination are becoming increasingly important in the modern world. Since the final information product is capable of influencing socio-political processes, political forces prone to authoritarianism strive to monopolize the media space, using the regulatory framework and economic resources for this. At the international level, mostly in Western Europe, the legislative approach to the media meets the democratic standards of society and its political and economic interests. The regulatory framework is synchronized with digitalization, technological development of media and public communications, in contrast to countries with unstable economies that adopt both technology and regulatory innovations from the outside. A study of the legislative framework underlying the formation of the media space and communication system of Mongolia demonstrates a number of errors and deviations in the development of press freedom and national journalism. The authors update the issues of independent professional journalistic activity and the need to inform the public, the openness of government institutions and the transparency of their work. Examples are given of violations of the rights of journalists and pressure on commercial media, which affects the quality of the media space, the economic interests of media owners and the rights of citizens.

Keywords: media freedom, journalism in Mongolia, freedom of expression, rights of journalists, legality

Conflicts of interest. The authors declare that there is no conflict of interest.

Article history: submitted September 24, 2023; revised November 3, 2023; accepted December 22, 2023.

For citation: Byambajav, N., Boldbaatar, B., & Skvortsova, N. (2024). Features of media legal regulation in Mongolia. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 29(1), 152–163. (In Russ.) <http://doi.org/10.22363/2312-9220-2024-29-1-152-163>

Введение

К 2024 г. Монголия занимает 88 место по индексу свободы прессы и названа страной со значительными проблемами. В 2022 г. она была на 66 месте по индексу демократии, опустившись на 4 позиции по сравнению с предыдущим годом¹. Согласно индексу коррупции, она опустилась на 2 позиции и заняла 116-е место². Снижение показателей демократии и развития страны влияет на ситуацию со свободой прессы. Хотя в Монголии с 1992 г. действует демократическая политическая система, сейчас в стране нет сильной оппозиции. Президент, члены правительства и большинство депутатов парламента

¹ Economist Intelligence Unit (EIU) – исследовательское аналитическое подразделение The Economist Group, дочерней компании газеты The Economist. URL: <https://www.eiu.com/>

² Transparency International – неправительственная международная организация по борьбе с коррупцией и исследованию уровня коррупции по всему миру. URL: <https://www.transparency.org/>

принадлежат к одной партии, поэтому для журналистских организаций защита свободы прессы, свободы слова и самовыражения граждан стала важным требованием.

В Монголии действуют около 500, в основном частных, средств массовой информации, правовая сфера страны находится в стадии зрелости. В 1998 г. Монгольским парламентом принят закон «О свободе печати и информации». Впервые в истории страны была упразднена цензура в деятельности государственных СМИ и запрещено создание любой организации, ограничивающей деятельность независимых СМИ (Маулетийн, 2008, с. 98).

Основным направлением воздействия на общественные отношения считается право, исполняющее функцию регулирования и защиты. В разных странах действуют три базовых социально-политических установки в отношении медиасистемы: СМИ должны функционировать независимо и свободно в рамках закона, СМИ должны работать на благо общих интересов, СМИ должны выражать взгляды государства. Если в стране есть закон, уважающий свободу прессы и поддерживающий независимую журналистику, его эффективность напрямую зависит от того, как он используется и воспринимается. Монголия уже четверть века идет по пути независимых СМИ, однако в настоящее время правительство пересматривает ситуацию в информационно-коммуникационной сфере, переосмысливает законы, касающиеся СМИ. Журналистскому сообществу необходимо объединить свои усилия и принять участие в реформах. Сейчас в Монголии 880 законов, из которых 110 (и их количество растет в последние годы) так или иначе касаются деятельности СМИ. Следует отметить, что большинство из них скорее ограничивают свободу прессы и говорят о зависимости медийных ресурсов от государства, чем о поддержке деятельности журналистов. Из-за негибких, порой неясных и слишком общих правил, журналисты и редакторы не всегда осознают, в каких ситуациях они могут быть привлечены к ответственности. Это препятствует развитию журналистских расследований, не позволяет журналистам быть голосом общества, контролировать деятельность правительства. Очевидно, в демократической Монголии возрождаются доконституционные установки, способные повлиять на содержание поправок к законам о СМИ.

Методы

Методом включенного наблюдения фиксировались конкретные юридические кейсы, связанные с журналистами и медийными организациями в Монголии, хронологические рамки 2010–2023 г. Для анализа отобраны 7 кейсов, где юридически проявилось регулирование СМИ. Принималось во внимание следующее положение: медиаправо является самостоятельной отраслью права, развивается как нормативная область, которая взаимодействует с другими законами. Изучены тексты более 14 национальных законов и постановлений, касающихся СМИ.

Изучены материалы судебных процессов, а также их освещение в СМИ для проверки гипотезы об отклонении правительственного курса от установки на развитие свободной независимой прессы. При этом учитывалась глобальная ситуация с фальшивыми новостями, сложившаяся в цифровом мире, где

каждая отдельная личность теоретически может стать медиа и распространять информацию: как следствие, правовое регулирование СМИ стало одним из центральных дискуссионных вопросов в различных государствах.

Результаты и обсуждение

Юридические права и обязанности СМИ различаются в зависимости от национального законодательства. Точно сформулированные правила в этой сфере способствуют развитию социальных институтов, защищающих как гражданские права, так и свободу слова и коммуникации. В некоторых западных странах деятельность СМИ регулируется в рамках общего гражданского права или других законов. В этом случае важные стандарты журналистики содержатся в различных законах и кодексах, таких как закон о гражданской ответственности, закон о защите информации, закон о конкуренции, закон о вещании и др. В некоторых странах медиа регулируются специальными законами о СМИ, которые устанавливают правила функционирования и управления средствами массовой информации, но могут также включать нормы, касающиеся свободы выражения мнений и защиты гражданских прав.

Международные организации работают над оптимизацией регулирования СМИ в глобальном ракурсе. Совет Европы в резолюциях и рекомендациях фокусируется на балансе свободы выражения мнения и другими правами человека. Законодательство о СМИ и вопросы прецедентного права рассматриваются Европейским судом по правам человека, руководящим органом Совета Европы. В ОБСЕ свобода прессы признана важнейшим фактором международной безопасности. Современные концепции управления средствами массовой информации часто включаются в международные документы по правам человека (Richter, 2016, p. 35).

Дезинформации и преднамеренное манипулирование создают значительные риски для коммуникаций: такие стратегии игнорируют принципы человеческого достоинства и часто приводят к разжиганию языка ненависти и даже физическому насилию. Традиционные СМИ теряют контроль над распространяемой информацией и перестают определять общественную повестку дня, эту фрагментацию можно наблюдать и в онлайн-среде (Visnovsky et al., 2023, p. 9). Медиа среда трансформировалась: есть концептуальные изменения в производстве, распространении и потреблении новостей, усилилась технологическая зависимость СМИ от компаний, занимающихся цифровыми платформами. Эти изменяющиеся соотношения сил в экосистеме медиа и способность платформ влиять на формирование общественного мнения являются признаком концентрации СМИ и вызывают обеспокоенность по поводу плюрализма СМИ, особенно в связи с тем, что меняющаяся медиасреда угрожает местной и независимой журналистике.

Крайне часто медиа берут на себя роль института, который диктует гражданам свою волю. В таких случаях редакционная политика работает в угоду определенной группе интересов. Вместо посредника СМИ становятся активным участником политической деятельности в борьбе за государственную власть в той или иной стране (Абазов, Скворцова, 2022, с. 114.). В хорошо функционирующей демократии следует предпринимать шаги по рассеиванию

«силы мнения», представляющую собой индивидуальные и национальные процессы (Seipp, 2023, p. 396).

Закон о концентрации СМИ является сопутствующим правовым инструментом, который борется с концентрацией и предотвращает развитие доминирующего мнения. Но существующие инструменты не способны отразить тенденции растущей концентрации, вызванные передачей данных, оцифровкой и платформизацией медиа-экосистемы, а инициативы по реформированию еще не доказали свою эффективность. В контексте телевизионной индустрии взаимодействие между агентами играет важную роль в определении содержания телевизионных программ для достижения личных целей агентов, что выражается в возможности акционеров защищать свои личные интересы (Saragih, 2021, p. 2534).

Однако дискуссия как форма взаимной коммуникации, предполагающая рассмотрение и осмысление предпочтений, ценностей и интересов в отношении вопросов, представляющих общий интерес, требует определенных структурных условий, поддерживающих те или иные ценности. Если таких структур не существует в конкретной медиасистеме или если они меняются из-за политических, экономических или технологических потрясений, общество может столкнуться с рисками, угрожающими идеалам совещательной коммуникации (Harro-Loit, Eberwein, 2024, p. 8).

Например, Халлин и Манчини предлагают систематический подход к анализу отношений между СМИ и политикой в различных западных демократиях посредством типологии трех идеальных моделей медиасистем – либерализм, демократический корпоративизм и поляризованный плюрализм. Однако, если мы рассмотрим концепцию журналистской культуры, включающую в себя профессиональные ценности и идеологию, ожидания в отношении роли журналистики, а также профессиональное и медийное образование, именно сравнение медиасистем объясняет различия между странами. Другими словами, можно утверждать, что связанные с медиа неправительственные организации, ассоциирующиеся с совещательной коммуникацией в демократических обществах, в основном вращаются вокруг групп людей, действующих и взаимодействующих в соответствии со своими собственными мотивами и намерениями. Развивая реалистическую социальную теорию, они моделирует «структуру», «культуру» и «поведение» как различные слои социальной реальности. Это создает риск возникновения монополий в сфере собственности, поскольку отрасли склонны лицензировать определенные СМИ (Akalili, 2020, p. 185). Неприятие государством усилий СМИ по открытию государственных процессов и институтов для общественного контроля и подотчетности часто характеризуется действиями, направленными на подрыв этих усилий. С точки зрения теории политики, когда государства пытаются сбалансировать защиту общественных интересов перед лицом могущественного бизнеса и интересов СМИ, перед ними встают долгосрочные задачи (Ndawana et al., 2021, p. 61).

В эпоху конвергенции СМИ есть опасения, что разнообразие контента уменьшится, а СМИ станут принадлежать инвесторам. Наличие частных политических СМИ приводит к нестабильности, делает паттерны определенных групп более заметными в общественно-политической дискуссии, что выражается в радикальной поляризации общества (Skvortsova et al., 2023, p. 424.)

Теоретический анализ проблемы слабого регулирования вещания указывает на то, что трудности возникают, поскольку страна оказывается не готова к существующей медиаконвергенции. Регулирование социальных медиа в первую очередь воспринимается с точки зрения двух важных областей: неприкосновенности частной жизни и свободы выражения мнений. Мировая экономика в спешном порядке разрабатывает нормативно-правовую базу, чтобы воспользоваться огромными экономическими и социальными преимуществами появляющихся технологий нового времени. Разработчики технологической политики и организации по защите гражданских прав в незападных обществах подвергают критике существующие положения, ведущие к цензуре и слежке для контроля за распространением онлайн-экосистемы страны, и призывают к немедленным действиям, поскольку правила не соответствуют международным стандартам в области прав человека (Shankar, Ahmad, 2021, p. 297).

Тем не менее проблема пересмотра и внедрения эффективной нормативной базы в новых условиях остается. Вопросы национального суверенитета теперь переплетаются с вопросами персональных данных и суверенитета субъекта, поскольку потребительский и коммуникационный выбор граждан – их «сверхповедение», связанное с просмотром контента и привычками в социальных сетях, – постоянно отслеживается. Еще одна проблема, вызванная пересмотром законодательства и политики в области коммуникаций, заключается в том, что границы между различными правовыми системами, которые традиционно действовали в относительно разных областях (телекоммуникации, телерадиовещание, конкуренция, неприкосновенность частной жизни, защита прав потребителей и т. д.), быстро меняются (Chapdelaine, 2021, p. 2).

Появление цифровой реальности влечет за собой изменения в правовом регулировании, определяет направление общественного развития, влияет на правовые и нормативные механизмы. Поэтому цифровое пространство требует создания модели правового регулирования, соответствующей технологическим реалиям. В то же время международное сообщество переосмысливает свою роль в защите интересов и намерений тех, кто вовлечен в цифровую среду (Manko et al., 2023, p. 130).

Проблема в деятельности СМИ имеет еще одно важное измерение. Сырьем для массмедиа является информация, и, если невозможно ее получить, журналистская деятельность остановится. Однако теперь получение информации от чиновников или организаций в Монголии является проблемой. В исследовании проекта «Право на свободное выражение мнения, получение информации и участие в политическом процессе с помощью информации», проведенном Globe International (GIC) в 2023 г., приняли участие 284 монгольских журналиста. «Необоснованный отказ в предоставлении информации» со стороны чиновников назвали проблемой номер один, с которой они сталкиваются при выполнении своей работы, 58 процентов респондентов. На вопрос «Какие права были нарушены?» наибольшее количество (48 %) ответили: «право на получение и обработку информации». Закон о гласности и праве на информацию был впервые принят в Монголии в 2011 г., что законодательно гарантировало получение гражданами информации от госу-

дарственных организаций. В 2014 г. принят Закон о прозрачных счетах, а в 2021 г. – Закон о прозрачности публичной информации, после чего соответствующая информация правительственных организаций была раскрыта. В 2019 г. на конституционном уровне подтверждено право знать о влиянии пользования недрами на окружающую среду как часть права на жизнь в здоровой и безопасной среде³.

П. 8.1.4. ст. 8 «Общие этические требования к государственным служащим» Закона об этике государственной службы обязует не игнорировать и не искажать деловые мнения других, не распространять ложную информацию в любой форме. П. 37.1.10 ст. 37 «Общие обязанности государственных служащих» Закона о государственной службе предписывает быть нейтральными, не подвергаться какому-либо политическому влиянию, а также выражать в прессе и СМИ только официальную позицию по вопросам, связанным с государственной политикой. В Кодекс поведения государственных служащих и службы, утвержденный в 2019 г., включен п. 3.1.6: выражать в прессе и СМИ только официальную позицию по вопросам, касающимся государственной политики. Из-за этих пунктов государственные служащие по-прежнему отказываются предоставлять информацию СМИ, учитывая риски для организации и своей работы. В проведенном нами фокус-групповом интервью молодая журналистка Б. Бадамцэцэг сказала: «Информация от государственных организаций на первый взгляд кажется прозрачной, но это не так. Они говорят: ищите на нашем сайте. Но непонятно, где и как искать, иногда информация вообще отсутствует на официальных сайтах». Хотя многие сведения раскрываются в соответствии с Законом о прозрачности общественной информации, их не предоставляют, когда поступает запрос «Получить информацию». На вопрос «где я могу ее получить?» не отвечают или говорят: «Не могу предоставить». В некоторых случаях информация представляется в искаженном виде, не соответствующем никаким требованиям, и ее невозможно понять. Проблема в том, что такие законы не исполняются, а чиновники выдвигают дополнительные требования, которые не прописаны в законе. Отношение государственных органов и чиновников к информации как к своей собственности также приводит к тому, что журналистам угрожают, преследуют и заставляют раскрывать свои источники. Журналистам не дают даже ненужной информации, считая, что лучше перестраховаться, чем распространять и использовать информацию в интересах общества. Считают, что право на защиту своих источников нарушается, 20 % журналистов, принявших участие в вышеупомянутом исследовании *Globe International*. Открытость общественной информации должна быть не витриной, где продавцы получают разрешение, а информационным супермаркетом, где каждый может выбрать нужный ему товар в рамках правил.

В законах Монголии количество положений о конфиденциальности информации увеличивается. Это говорит о том, что социалистическое мышление, согласно которому государство должно контролировать информацию, присутствует в правовой системе. С развитием социальных сетей правительство пытается контролировать информацию под видом предотвращения преступ-

³ Национальный институт юстиции Монголии. URL: legalinfo.mn

лений, для поддержания общественной безопасности, безопасности детей и неприкосновенности частной жизни. Многочисленные случаи были зарегистрированы во время пандемии COVID-19.

В сентябре 2020 г. при Департаменте полиции создана организация по борьбе с фальшивой информацией. Она подверглась широкой критике и была отозвана. Правительственный декрет № 29 от 10 февраля 2021 г. утверждает, что новости и информация должны передаваться только по одному каналу и по указанию правительства. Это нарушает профессиональную деятельность журналистов и право общества на получение информации. Кроме того, без обоснования и объяснения причин введены квоты для организаций СМИ. Имели место нарушения, например ограничение числа журналистов, способных получить доступ к информации Министерства здравоохранения.

Также во время пандемии четыре монгольских телеканала начали выпускать совместную новостную программу «Информационный поток», которую, как потом оказалось, профинансировало правительство, не имея правовых оснований для этого.

Государственные организации и политики продолжают взыскивать со СМИ крупные штрафы за клевету в соответствии со ст. 21 и 511 Гражданского кодекса. В мае 2021 г. государственная компания «Мон-Атом» потребовала 100 миллионов тугриков, подав иск в Гражданский суд, утверждая, что ежедневная газета «Углууний сонин» нанесла вред ее деловой репутации. Журналист «Углууний сонин» подготовил репортаж о негативном влиянии деятельности компании «Бадрах Энерджи», работающей в сомоне Улаанбадрах, Дорноговьского аймака, владельцем 34 % акций которой является компания «Мон-Атом. Согласно ст. 511.2 Гражданского кодекса, эмоциональный вред и его последствия истцу могут быть возмещены в деньгах.

Государственные органы и чиновники не дают официальных комментариев по поводу критики и негативной информации из СМИ, а вместо этого подают судебные иски против СМИ, что несколько ограничивает возможность свободной дискуссии в обществе.

Принятый 19 января 2023 г. законопроект о защите прав человека в социальных сетях (преодолено вето президента) повторял положения других законов и позволял правительству удалять контент в социальных сетях и СМИ по своему усмотрению. Ограничения на контент слишком широкие и содержат положения, ограничивающие свободу слова граждан. Хотя сторонники закона объясняют, что он направлен на защиту прав детей в социальных сетях, его положения рискуют позволить государству контролировать общественную информацию. Социальные сети не могут полностью контролироваться государством. Однако можно участвовать в информировании общественности, правильно объясняя и понимая политику и деятельность правительства. Кроме того, в условиях, когда информационно-коммуникационные технологии развиваются и меняются с каждым днем, обязательный контроль социальных сетей со стороны закона неэффективен.

В правовой системе Монголии есть положения, поддерживающие независимость и профессиональные права журналистов и СМИ, однако их применение на практике почти отсутствует. Наиболее ярким примером этого явля-

ется Закон о свободе печати и информации. За последние четверть века дела и споры, связанные с его нарушением, не были разрешены судом.

Ст. 1.4 Уголовного кодекса, пересмотренная в 2015 г., гласит, что «уголовная ответственность за мнение или убеждение лица не наступает». Это положение очень важно и гарантирует, что издатель не криминализирует чье-либо право на выражение мнения. Однако ст. 14.13 Уголовного кодекса содержит положение о распространении ложной информации, и в настоящее время готовится законопроект, который вернет в закон деяние «оскорбление», что противоречит ст. 1.4.

В гл. 14 Уголовного кодекса дискриминация по признаку убеждений квалифицируется как преступление против личных и политических прав и свобод, наказывается лишением свободы на срок до пяти лет. Кроме того, ст. 14.2 «Воспрепятствование поиску и получению информации» запрещает применение силы или угрозы силой для воспрепятствования поиску и получению информации по не конфиденциальным вопросам (с 2017 г.). Ст. 14.3 предусматривает, что ответственность за распространение любой информации, затрагивающей законные интересы лица или других лиц, наступает в случае применения силы или угрозы ее применения для предотвращения распространения любой информации, затрагивающей его законные интересы или законные интересы других лиц, либо умышленного ее не опубликования. Однако в настоящее время в Монголии нет ни одного дела, рассмотренного судом в соответствии с этими положениями. Согласно ст. 14.3, журналистка Гэрэлмаа Г. подала жалобу, но делу не дали ход. В июне 2022 г. она была задержана полицией во время прямого эфира, у нее конфисковали мобильный телефон и камеру, некоторые данные на смартфоне были удалены. Ей угрожали и удерживали в течение шести часов. Хотя сотрудники, применившие силу, были уволены, а полицейские принесли извинения, вопрос не был прояснен. Дело не рассматривалось по ст. 14.3, оно было передано в специальную службу по полицейской этике.

Оптимальное регулирование отражает специфику отрасли и учитывает ее сильные и слабые стороны. С этой точки зрения необходимо принимать во внимание особенности журналистской деятельности в процессе создания и реализации законов. Речь идет не о приоритете журналистов перед другими, а о том, имеют ли они возможность выполнять свои обязанности согласно закону. Верховный суд США и Европейский суд по правам человека создали прецедент решений, принимающих во внимание фундаментальные характеристики журналистики, общественные интересы и защиту свободы выражения мнений. Однако в Монголии существует правовое регулирование, согласно которому журналист может быть привлечен к юридической ответственности, если допустит профессиональную ошибку при раскрытии полезной информации для общественности. В 2017 г. в ст. 6.21 Закона о правонарушениях была введена «клевета», однако в январе 2020 г. она была удалена. По этой норме местный журналист был оштрафован за статью о том, что председатель собрания представителей граждан Архангайского района оплатил 15 поездок из бюджетных средств, а не 13, как оказалось на самом деле. Несмотря на главную цель – защиту общественных интересов

посредством разоблачения расточительного использования государственных средств, профессиональная или фактическая ошибка считалась нарушением, что стало отрицательным примером в истории журналистики. Свободная пресса может информировать граждан об успехах или неудачах своих лидеров, доводить потребности и желания людей до государственных органов и обеспечивать платформу для открытого обмена информацией и идеями. Когда свобода СМИ ограничивается, эти жизненно важные функции нарушаются, что приводит к неправильному принятию решений и пагубным последствиям как для лидеров, так и для граждан.

С 2020 г. по ст. 13.14 Уголовного кодекса «в случае публичного распространения заведомо ложных сведений, причиняющих вред чести, репутации или деловой репутации юридического лица», установлена ответственность. Вообще клевета регулируется уголовным законодательством более чем в 160 странах, основным фактором, который учитывается, является вопрос о намерениях. Важно учесть, оклеветал ли журналист заявителя умышленно или же это произошло из-за профессиональных ошибок или отсутствия возможности проверить факты. В 2020–2021 гг. дела, решенные судом на основании вышеуказанных положений, были проанализированы в исследовании форума «Открытое общество». Сделаны следующие выводы. При расследовании и раскрытии преступления «распространение ложной информации», предусмотренного ст. 13.14 Уголовного кодекса, под понятием «заведомо ложная информация» понимаются отдельные факты и события, которые подверглись оценке, критике, имеют определенные основания, но дискредитированы нападками или фактами. Распространение неполной или неверной информации, в том числе негативной, не унижает личность. Существует проблема расследования вопросов распространения ошибочной информации от непроверенного источника. Подобные процессы о признании вины нередко наносят вред правам журналистов. По состоянию на август 2023 г. было зарегистрировано дело, в котором журналист был привлечен к ответственности по данному положению.

Если рассматривать дела, решенные судом в 2020–2023 гг.⁴, то большинство из них связаны с семейными спорами или клеветой на юридические учреждения и сотрудников в социальных сетях. Следует отметить, что данная норма о распространении «заведомо ложной информации» не учитывает тот факт, что у журналистов ограниченные источники информации, при этом им необходимо оперативно освещать события, в некоторых случаях невозможно установить истину, но достаточно представить мнения различных сторон. В судебной практике Монголии мало примеров отмены приговора с учетом специфики деятельности журналиста. В 2012 г. сотрудник газеты *Udrin Sonin* был признан виновным судом первой инстанции по уголовным делам и оштрафован в связи со статьей «Торговля государственными номерными знаками развивается все более изощренно». Но в 2014 г. судья Эрдэнэбалсүрэн пересмотрел дело и оправдал журналиста. Следует подчеркнуть, что решение было прецедентным, направленным в том числе на привлечение общественного внимания. Нельзя говорить о том, что журналистская статья

⁴ Судебные решения Монголии: электронная база данных. URL: shuukh.mn

направлена на то, чтобы опорочить определенное лицо, поскольку она основана реальных событиях. При этом оскорбление и вред репутации связаны с личной мотивацией (месть, ненависть, ревность, злонамеренные подозрения). Журналист доказал, что он не знал истца, у него не было личного мотива оклеветать этого человека, а значит, нет никаких оснований для обвинения в клевете. Это стало стандартным международным решением, когда суды и правовые институты учитывают специфику журналистики.

Заключение

Конституция и законы о журналистике, действующие в Монголии, содержат положения, защищающие и гарантирующие свободу прессы. Однако неоднозначное толкование и отсутствие практики правоприменения вредят их реализации. Как показало исследование, в монгольском законодательстве не учитывается специфика журналистской деятельности, что мешает формированию нормативных актов, реально поддерживающих свободу СМИ, помогающих журналистам выполнять свою работу без давления. Базовые социальные теории медиакоммуникаций и журналистики могут вступать в противоречия с концепциями из других областей знаний, на которые нередко ориентируются законодатели. Например, теория пропаганды пристрастно интерпретирует журналистику, рассматривает ее как важный, но управляемый социальный институт.

Закон о СМИ Монголии находится в стадии зрелости, при этом демократическая трансформация социальной системы в Монголии еще не завершена, присутствует слабая политическая культура, отмечена низкая медиаграмотность граждан, недостаточная подготовка кадров для средств массовой информации, также существует проблема экономической некомпетентности журналистов. В Монголии развивается саморегулирование средств массовой информации, но оно не может заменить эффективность правового регулирования.

Список литературы / References

- Abazov, D., & Skvortsova, N. (2022). Media environment in Georgia during the 2020 elections. *Post-Soviet Issues*, 9(1), 111–120. (In Russ.) <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-111-120>
- Абазов Д., Скворцова Н. Медийная среда в Грузии в ходе парламентских выборов 2020 года // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9. № 1. С. 111–120.
- Akalili, A. (2020). The relevance of broadcasting regulation in the era of media convergence. *Journal of Social Studies*, 16(2), 183–196. <https://doi.org/10.21831/jss.v16i2.30619>
- Chapdelaine, P., & McLeod Rogers, J. (2021). Contested sovereignties: States, media platforms, peoples, and the regulation of media content and big data in the networked society. *Laws*, 10(3), 1–31. <https://doi.org/10.3390/laws10030066>
- Harro-Loit, H., & Eberwein, T. (2024). News media monitoring capabilities in 14 European countries: Problems and best practices. *Media and Communication* volume, 12, 1–17. <https://doi.org/10.17645/mac.7199>
- Manko, D., Zghama, A., Atamanova, N., Arabadzhy, A., & Ustinov, D. (2023). Legal regulation of the digital environment: Digitization of the state-legal and law enforcement sphere. *Amazonia Investiga*, 12(70), 125–133. <https://doi.org/10.34069/AI/2023.70.10.11>
- Mauletiiin, Z. (2008). Towards the formation of democratic journalism in Mongolia. *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, (2), 98–103. (In Russ.)

Маулетийн З. К вопросу формирования демократической журналистики в Монголии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 2. С. 98–103.

- Ndawana, Y., Knowles, H., & Vaughan, Ch. (2021). The historicity of media regulation in Zambia; examining the proposed statutory self-regulation. *African Journalism Studies*, 42(2), 59–76. <https://doi.org/10.1080/23743670.2021.1939749>
- Richter, A. (2016). Defining media freedom in international policy debates. *Global Media and Communication*, 12(2), 127–142. <https://doi.org/10.1177/17427665166652>
- Saragih, Y.M. (2021). Law, journalistic profession and mass media ethics. *Budapest International Research and Critics Institute-Journal*, 4(2), 2532–2540. <https://doi.org/10.33258/birci.v4i2.1957>
- Seipp, Th.J. (2023). Media concentration law: Gaps and promises in the digital age. *Media and Communication*, 11(2), 392–405. <https://doi.org/10.17645/mac.v11i2.6393>
- Shankar, R., & Ahmad, T. (2021). Information technology laws: Mapping the evolution and impact of social media regulation in India. *DESIDOC Journal of Library & Information Technology*, 41(4), 295–301. <https://doi.org/10.14429/djlit.41.4.16966>
- Skvortsova, N., Abazov, D., Volkova, I., & Urazova, S. (2023). Georgian independent TV channels: Presentation of pre-election race. *International Journal of Media and Information Literacy*, 8(2), 416–426. <https://doi.org/10.13187/ijmil.2023.2.416>
- Visnovsky, J., Solik, M., & Dubravskaja, O. (2023). New legal regulation of publications in Slovak media environment. *Communication Today*, 14(2), 5–14. <https://doi.org/10.34135/communicationtoday.2023.Vol.14.No.2.1>

Сведения об авторах:

Бямбажав Наранбаатар, Ph.D (журналистика), доцент, заведующий кафедрой журналистики и массовых коммуникаций, Школа искусств и наук, Национальный университет Монголии, 14201, Улан-Батор, ул. Университетская, д. 1. ORCID: 0009-0002-7429-8076. E-mail: naranbaatar.b@num.edu.mn

Болдбаатар Баярмаа, преподаватель, кафедра журналистики и массовых коммуникаций, Школа искусств и наук, Национальный университет Монголии, 14201, Улан-Батор, ул. Университетская, д. 1. ORCID: 0009-0006-9257-6630. E-mail: bayarmaab@num.edu.mn

Скворцова Нино, политический обозреватель, информационно-аналитический веб-сайт Pressunity; редактор, новостное агентство «Спутник Грузия»; аспирантка, кафедра публичной политики и истории государства и права, Российский университет дружбы народов, Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6. ORCID: 0000-0003-0470-7508. E-mail: nino.skvortsova@gmail.com

Bio notes:

Naranbaatar Byambajav, Ph.D of Journalism, Associate Professor, Head of the Department of Journalism and Mass Communications, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia, 1 Universitetskaya St, Ulaanbaatar, 14201, Mongolia. ORCID: 0009-0002-7429-8076. E-mail: naranbaatar.b@num.edu.mn

Bayarmaa Boldbaatar, lecturer, Department of Journalism and Mass Communication, School of Arts and Sciences, National University of Mongolia, 1 Universitetskaya St, Ulaanbaatar, 14201, Mongolia. ORCID: 0009-0006-9257-6630. E-mail: bayarmaab@num.edu.mn

Nino Skvortsova, political observer, information and analytical website “Pressunity”; build-editor, media agency “Sputnik Georgia”; postgraduate student, Department of Public Policy and History of State and Law, RUDN University, 6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0470-7508. E-mail: nino.skvortsova@gmail.com